

И. В. ВАРИВОНЧИК,
КАНДИДАТ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТ (МИНСК)

КРИЗИС АМЕРИКАНСКОЙ СЕМЬИ

Посвящена изменениям в положении женщины и кризису традиционной, нуклеарной семьи в США. Атомизация семьи, рост числа семей с одним родителем, по мнению автора, имели негативные последствия для социально-экономического положения сегментов среднего класса.

The article is devoted to changes in the position of women and the crisis of the traditional nuclear family in the U.S. Atomization of the family and growing number of single parent families have had a negative impact on the wellbeing of some segments of the American middle class.

1970-е годы были временем серьезных сдвигов в сознании американцев, они прошли под знаком новой культурной революции, подвижек в обществе в отношении фундаментальных культурных ценностей. На протяжении предыдущих двухсот лет большинство американцев придерживались основанного на протестантской этике образа жизни, стремились добиться успеха путем упорного труда, были готовы жертвовать собственными интересами в интересах своей семьи. На смену старым идеалам, завышенным ожиданиям всеобщего благосостояния и непродолжительному политическому активизму молодого поколения в 1960-е гг. пришло максимальное внимание к себе, стремление самореализоваться, желание удовлетворить свои личные потребности. Как утверждал известный социолог Д. Янkelович, имела место «подлинная культурная революция», которая продвинула индустриальную цивилизацию к «новой фазе человеческого опыта»¹.

Годы общества «всеобщего благоденствия» стали временем роста образовательного и культурного уровня, годами высокой социальной мобильности. Улучшение материального положения, расширенные возможности выбора и доступ к информации об альтернативных образе мысли и образе жизни, с одной стороны, вели к усилению вариативности в поведении американцев, с другой стороны, делали их более терпимыми к выбору друг друга. Как отмечал российский ученый Г. Г. Дилигенский, «речь шла о совокупности социально-психологических явлений, выражавших протест личности против нормативно-ценностной системы, регулировавшей жизнь людей в условиях развитых индустриальных обществ. Например, против труда, лишаящего работника любой инициативы и творчества, мотивируемого исключительно целями заработка и потребления. Против ценностей «общества потребления», подавлявших разнообразные духовные потребности людей. Против традиционного института семьи с присущими ему жестким распределением ролей мужа, жены, детей и достаточно лицемерной «официальной» системой норм сексуальной жизни»².

Из всех общественных движений, разворачивавшихся в 1960-е гг., наибольшую силу в следующем десятилетии набрало движение за права женщин. К началу 1970-х гг. именно оно оказалось в центре общественного внимания. Активисты движения пикетировали государственные учреждения и офисы частных фирм, требуя для женщин равных с мужчинами условий в найме на работу и в оплате труда, организовывали бойкот унижительных, по их мнению, конкурсов красоты, проводили демонстрации против попыток законодательных собраний штатов запретить аборт. Несмотря на общий критический, иногда издевательский тон СМИ, вся эта деятельность становилась предметом общего внимания и обсуждения. Набирал силу процесс переоценки роли женщины в обществе.

Активность женщин, желавших изменить свою жизнь, проявлялась в инициативах и выступлениях, которые никем не планировались на национальном и региональном уровне. Примерами таких действий были политические акции в поддержку женщин – кандидатов на выборах в федеральные и региональные органы власти, создание групп поддержки разведенных женщин, женщин,

подвергшихся насилию, сексуальных меньшинств, организация самодеятельных детских садов и другие виды деятельности, охватывавшие самые разнообразные сферы трудовых, общественных отношений.

Несмотря на то, что большинство женщин не участвовало в феминистском движении и считало многие из выдвигавшихся требований чрезмерными, в повседневной жизни то же самое большинство поддерживало право женщин на аборт, многие американки участвовали в организованных феминистками акциях и мероприятиях, стремились добиться более справедливого распределения домашних обязанностей в своих семьях, используя заимствованную у тех же феминисток аргументацию. Если в 1962 г. на вопрос о том, подвергаются ли женщины дискриминации, положительный ответ дала одна треть опрошенных американок, то в 1970 г. так считала уже половина, а в 1974 г. – две трети женщин. Если в 1970 г. половина студентов первого курса полагала, что уделом замужней женщины должны быть семья и дом, то в 1975 г. так считала только одна треть юношей и одна пятая девушек, поступивших в вузы³.

Движение женщин, состоявшее из представителей различных политических течений, оказывало на федеральном и местном уровне свое воздействие на политику исполнительной власти и законодателей. Наибольшие успехи были достигнуты в преодолении дискриминации женщин, наименьшие – в финансировании и реформировании необходимых для ухода и воспитания детей инфраструктур. В 1973 г. было признано право на прерывание беременности в течение первых трех месяцев при сохранении врачебной тайны. К 1980 г. в федеральные законы были внесены изменения, запрещающие дискриминацию женщин при получении образования и найме на работу. Конгресс принял решение считать раздел Закона о гражданских правах 1964 г. о запрете на дискриминацию по половому признаку обязательным для штатов страны. По решению Верховного суда были признаны недействительными все законы, классификация которых основывалась на признаках пола, что касалось таких вопросов, как семейная собственность, выплата алиментов, отправление функций присяжных заседателей, возраст совершеннолетия. Было ликвидировано преимущественное право мужчин на получение банковских кредитов. Перед женщинами были открыты двери в военные учебные заведения. На фоне успехов женского движения неудача кампании по ратификации всеми штатами страны поправки к Конституции о равных правах (Equal Rights Amendment) в 1982 г. не могла помешать поступательному движению общества в направлении усиления общественного и материального положения женщин.

Символом времени стало обретение нового социального статуса женщинами, которое, что очевидно, было бы невозможно без усиления эгалитаристских настроений за пределами достаточно узкого феминистского круга на протяжении всего послевоенного периода.

Вплоть до конца 1960-х гг. сохранялась модель поведения, сложившаяся еще в 1920-е гг., когда женщины не имели сексуального опыта до брака или до обручения. В 1960-е гг. сексуальные отношения незамужних пар юношей и девушек стали нормой. Социологические исследования среди первокурсниц вузов показывали, что одна треть из них имела опыт сексуальных взаимоотношений после кратковременного знакомства и 40 % считали необходимым пожить некоторое время с будущим супругом до вступления в брак. Аналогичное исследование в восьми различных вузах страны в 1970-е гг. свидетельствовало, что 76 % студенток и 75 % студентов первого курса имели опыт сексуальных отношений уже в течение первого года обучения⁴. Имело место более либеральное отношение к внебрачным отношениям. Число противников таковых с 1972 по 1996 г. сократилось с 36 до 24 %⁵.

Реальные изменения положения женщин, формирование качественно нового общественного климата стали результатом нового общественного

опыта женщин и процесса переоценки традиционных стереотипов их роли в семье, на работе, в обществе в целом. Начиная с 1972 г. Национальный центр исследований общественного мнения при Чикагском университете проводил репрезентативные опросы 1500, а с 1994 г. 3000 респондентов по всей стране. Полученные результаты сводились к следующему. В 1972 г. 74 % американцев не возражали против голосования за женщину – кандидата на президентских выборах. В 1998 г. таких было уже 94 %. Несогласие с мнением, что большинство мужчин психологически лучше подходят для занятия общественной и политической деятельностью, возросло с 50 % в начале 1970-х гг. до 77–79 % в середине 1990-х. Изменилось отношение американцев к женской занятости. В 1972 г. 67 %, а в середине 1990-х гг. 82–83 % опрошенных одобряли желание женщины работать, даже если мужчина зарабатывал достаточно для обеспечения семьи. В 1977 г. 43 % американцев были против того, чтобы женщина жертвовала своей карьерой ради карьеры мужа. К 1998 г. доля противников таких жертв выросла до 81 %. Изменилось отношение к вопросу о негативном влиянии занятости женщин на воспитание детей. В 1977 г. 49 % респондентов считали, что работающая женщина может иметь такие же близкие и теплые отношения с детьми, как и неработающая. В 1998 г. так считали 68 % опрошенных. В 1994 г. 85 % опрошенных поддерживали выход на работу женщины до рождения детей. Общественное мнение было в пользу расширения женской занятости⁶.

К концу 1990-х гг. женщины стали большинством среди студентов и тех, кто ежегодно получал диплом бакалавра. Почти половина докторских степеней присуждалась женщинам. С 1950 по 1999 г. доля женщин среди инженеров выросла с 1,2 до 10,6 %, юристов – с 3,5 до 28,8 %. Заработок имевших полную занятость женщин в 1967 г. составлял 60 % от заработка мужчин. Далее разрыв стал сокращаться. В 1998 г. заработок женщин составлял 73 % от заработка мужчин⁷. С 1981 по 1996 г. доля семей, в которых жена зарабатывала больше мужа, увеличилась с 16 до 23 %⁸.

Произошедшее подвижки в общественном сознании, в положении женщин имели глубокие социальные последствия. Наиболее важные изменения в американских семьях были связаны с ростом женской занятости, эволюцией семейного поведения американцев, ростом количества разводов, падением рождаемости, увеличением числа семей с одним родителем.

Семья продолжала играть важную роль в жизни американцев. В конце 1990-х гг. 62 % состоявших в браке американцев считали свою семью счастливой, и 40 % были совершенно довольны своей жизнью. Среди вдовцов таких было 23 %, среди разведенных – 19 %, среди ни разу не вступавших в брак – 23 %. В начале 1970-х гг. так высоко оценивал свой брак больший процент американцев – 68 %⁹. Проблема состояла, однако, не в меньшем удовлетворении от положения дел в семье, а в том, что самих семей становилось меньше.

С 1950 по 1998 г. процент семейных домохозяйств сократился с 89,2 до 69,1 %, таким образом, почти треть составили несемейные домохозяйства. Доля женатых пар снизилась с 78,2 до 53,0 %. 12,3 % домохозяйств возглавляли одинокие женщины, 3,8 % – одинокие мужчины, что было существенно больше, чем в 1950 г. (8,3 и 2,7 % соответственно). Еще более показательны данные о наличии детей. Доля семей с двумя родителями и детьми сократилась с 56 до 24 %. С 1950 по 1998 г. доля семей с двумя работающими родителями выросла с 13 до 44 %¹⁰.

1970–1990-е годы стали временем драматических изменений в американских семьях. Доля американцев старше 15 лет, никогда не вступавших в брак, с 1950 по 1998 г. увеличилась с 24,9 до 31,2 % для мужчин и с 18,5 до 24,7 % для женщин¹¹. Процент американцев, живших в традиционных парных семьях, с 1980 по 1997 г. сократился с 75 до 65 %. Эта тенденция проявляла себя уже с начала 1960-х гг.¹² Средний возраст вступления в брак

мужчин и женщин в 1970 г. составлял соответственно 22,5 и 20,6 года, в 1988 г. – 25,5 и 23,7, в 2009 г. – 28,4 и 26,5 года¹³.

Между 1965 и 1975 гг. удвоился процент разводов. Пик был достигнут в 1979 г. – 22 развода на тысячу замужних женщин. В середине 1990-х гг. число разводов уменьшилось до 19,8, хотя и оставалось в два раза выше, чем в 1960 г. Этот показатель был наивысший среди развитых западных стран¹⁴.

Вступление в новый брак происходило через больший промежуток времени и чаще, чем прежде, не происходило вообще. Выросла доля пар, живущих вместе без официального оформления брака. Такая форма отношений стала обычной для добрачных отношений и после развода¹⁵. 7 % женщин 1933–1942 г. рождения имели такого рода отношения до того, как вступили в брак. Доля таких женщин 1963–1974 г. рождения в конце 1990-х гг. уже составляла 64 %. 50 % разведенных и вновь вступивших в брак американцев сожительствовали со своими новыми супругами до нового брака¹⁶.

Кризис традиционной американской семьи, который широко обсуждался учеными, политиками, широкими кругами общественности, был, по сути, кризисом идеального образа семьи, родившегося в недрах среднего класса, который и в более благоприятных условиях 1940–1960-х гг. уже мало относился к большинству американских семей. Даже относительно успешные попытки реализации данного образа не приносили ожидаемого удовлетворения многим участникам этого предприятия, и прежде всего женщинам. То есть тем, кто должен был раствориться в семье, посвятить себя ей и таким образом достичь ожидаемого счастья. Новая волна феминистского движения имела вполне определенную социальную базу в лице самостоятельных, образованных белых женщин средних лет – представительниц среднего класса.

В 1980–1990-е гг. неоконсервативные идеологи, религиозные проповедники, телевидение, как и в 1950-е гг., пропагандировали идеал женщины-домохозяйки. Одинокие женщины или женщины, посвятившие себя карьере, ставились на ступеньку ниже или оценивались как неполноценные члены общества. Тиражируемый телевидением и консервативными сторонниками «семейных ценностей» образ типичной американской семьи обычно включал в себя отца, мать, двоих детей, живущих в своем уютном доме в благоустроенном и безопасном пригороде. Глава семейства – отец – уходил на работу, в то время как мать отвозила детей в школу и занималась домашними делами. К вечеру вся семья встречалась за ужином. Затем послушные дети делали домашнее задание, играли или смотрели телевизор вместе с отцом и матерью.

Такая идиллия не была характерна не только для семей среднего класса. Отец с матерью могли быть разведены, а дети жить в новой семье, с неродными родителями, братьями и сестрами или с одинокой матерью. Собственный дом мог быть продан из-за высоких ипотечных платежей и заменен арендованным жильем. Вместо безопасного пригорода многие семьи были вынуждены жить в районах, где преступность становилась повседневной реальностью. Оба родителя, как правило, работали, что усугубляло имевшиеся трудности. Расходы на дом, автомобили, оплату кредитов не оставляли свободных средств, делали затруднительной оплату сильно подорожавшего высшего образования детей. Отсутствие высшего образования означало растущую конкуренцию при найме на хорошо оплачиваемые рабочие места в промышленности, число которых год от года сокращалось, или низкооплачиваемую работу в торговле или сфере общественного питания. Наличие высшего образования не было гарантией пожизненного трудоустройства ввиду высокой конкуренции, повсеместно проводившейся менеджментом политики сокращения числа работающих, вывоза многих типов производства и услуг за рубеж. В отсутствие родителей дети могли пропускать

занятия в школе, иметь доступ к наркотикам, проводить время у телевизора, компьютера, используя то, что они видели в качестве руководства к действию. Результатом этого была детская преступность, ранние беременности, распространение СПИДа. Забота о младших детях и пожилых родителях могла осуществляться платными воспитателями и медперсоналом, но стоимость их услуг постоянно росла, а результаты могли быть неудовлетворительны из-за психологических и социальных издержек и рисков.

Семья становилась другой. Развод из радикального способа разрешения серьезных семейных проблем (супружеская неверность или невозможность иметь детей) стал обыденным явлением, причиной которого могли быть самые незначительные, с точки зрения предыдущего поколения, обстоятельства. Одновременно развод мог быть как одним из факторов, ведущих к ухудшению материального положения, так и его первопричиной. Финансовые обязательства семьи, вполне приемлемые для бюджета, состоявшего из заработка мужа и жены, чаще всего становились невыполнимыми после развода. Расходы на отдельное проживание бывших членов семьи были выше. В наиболее трудном положении оказывалась женщина, чей заработок был ниже заработка бывшего мужа, а заботы о детях делали затруднительным продолжение успешной трудовой карьеры. В еще более сложном положении оказывалась не работавшая до развода женщина. В вышедшей в 1985 г. книге американского исследователя Л. Вейтцман «Революция в семейных отношениях: развод», основанной на данных 1970-х гг., было доказано, что после развода доходы женщин в среднем составляли 1/3 от уровня доходов в замужестве¹⁷. Более поздние исследования положения женщин после развода неизменно фиксировали ухудшения материального положения возглавляемых ими семей¹⁸.

Активистам женского движения и их сторонникам не удалось добиться радикальных изменений в системе ухода за детьми на основе равноправного сотрудничества мужчин, женщин, государства. На протяжении 1990-х гг. детские корпоративные программы охватывали не более 0,5 млн детей¹⁹. В 1995 г. за 40 % детей младше шести лет уход осуществлялся только их родителями. За одной третью детей присматривали родственники, 40 % посещали детские сады, 32 % находились на попечении нанятых работников, 12 % оставались одни²⁰.

На принятый в 1971 г. Конгрессом Закон о дотировании бедных семей с детьми на сумму в 4,5 млрд в год (Comprehensive Child Development Act) было наложено президентское вето Р. Никсона. С начала 1980-х гг. под лозунгом защиты «семейных ценностей» правые консервативные силы преуспели в кампании дискредитации отдельных пунктов феминистской повестки дня (коллективный уход за детьми, планирование семьи и аборты, права сексуальных меньшинств). В результате требование государственного финансирования детских дошкольных учреждений в Конгрессе не было поддержано. Вместо этого в 1981 г. было принято решение о налоговых льготах на одного ребенка в 480 долларов и на двух и более – в 960 долларов. С 1982 г. федеральное правительство выделяло 3 млрд долларов в год на социальные расходы штатов, которые могли быть использованы на детские учреждения, однако штаты направляли эти средства на иные нужды, что привело к снижению расходов на уход за детьми. Несколько улучшил положение, но не решил проблему, принятый в 1990 г. республиканской администрацией Дж. Буша Закон по улучшению ухода за детьми (Act for Better Child Care). Закон предусматривал выделение 2,5 млрд долларов в течение трех лет в виде финансирования детских учреждений и налоговых льгот для матерей.

Демократическая администрация в 1993 г. смогла добиться одобрения Конгрессом Закона о неоплачиваемом отпуске в 12 недель по уходу за деть-

ми и больными членами семьи (Family and Medical Leave Act), который дважды блокировался президентским вето Дж. Буша. Впервые женщины получили гарантии сохранения за ними рабочего места на период беременности и ухода за детьми. При этом воспользоваться отпуском могли и мужчина, и женщина. К концу XX в. США оставались единственной западной страной, в которой не предоставлялся оплачиваемый отпуск по уходу за детьми, а неразвитая система детских садов имела явно недостаточное государственное финансирование. Существовала неразвитая структура внеклассных школьных практик, когда школы обычно закрывались в три часа дня²¹. Имевшийся пробел восполняли домашние няни, многие из которых совмещали работу с заботой о собственных детях, имея невысокий средний годовой доход в 11 789 долларов²².

Для конца 1990-х гг. были характерны серьезные сдвиги в понимании важности вопроса об уходе за детьми со стороны политиков, представителей деловых кругов. Требование финансирования обязательных программ дошкольной подготовки появились в программных документах Демократической партии²³. Больше внимание вопросам воспитания детей стали уделять профсоюзы при переговорах с работодателями. В мае 2001 г. о своем намерении создать 30 центров для детей и семей своих работников объявила компания «Форд». В январе 2000 г. газета «Нью-Йорк Таймс» констатировала рост финансирования детских программ, осуществлявшихся в школах и за ее пределами во внеурочное время с 1997 по 2000 г., с 1 млн до 454 млн долларов в год²⁴. В сентябре 2003 г. Калифорния стала первым штатом, в котором был принят Закон об оплачиваемом отпуске по уходу за больными членами семьи и детьми сроком до 6 недель²⁵. Все это свидетельствовало о постепенном пересмотре взглядов на потребности семьи в условиях тотальной занятости.

На практике близкая к феминистскому идеалу модель семейных отношений, при которой заботы о детях делятся поровну между двумя работающими родителями, осуществлялась в семьях с невысоким уровнем достатка. Это происходило не из-за их особой приверженности феминистским идеалам, а по причине отсутствия других альтернатив. В 1993 г. среди отцов детей до 5 лет и отцов, занятых в сфере услуг, 42 % обеспечивали уход за детьми в то время, когда их жены работали. Среди менеджеров и профессионалов таких было 20 %²⁶.

В отношении вопроса о детях существовала определенная двойственность. Американцы хотели иметь детей, но меньше. В ответе на вопрос о том, что является наиболее важным в их жизни, дети стояли на четвертом месте после веры в Бога (46 %), положения, при котором человек ни от кого не зависит (44 %) и финансово обеспечен (27 %). Опросы также показывали растущее желание видеть не столько послушных, сколько самостоятельных, способных позаботиться о себе самих детях. С другой стороны, от 70 до 77,5 % американцев были не согласны с тем, что главной целью брака должно быть появление детей. Это свидетельствовало о сохранении идеала романтической любви как ведущего начала семейных отношений²⁷.

Изменения взглядов американцев, социально-экономических условий существования их семей и новое положение женщин имели своим результатом снижение рождаемости, увеличение числа детей, рожденных вне брака. До Второй мировой войны или сразу после нее большинство одиноких матерей были вдовами. В 1990-е гг. основной причиной роста их числа стали разводы и увеличение числа детей, рожденных вне брака. В 1960 г. вне брака рождался каждый двадцатый ребенок, в 1987 г. – каждый четвертый. В 1996 г. вне брака рождалось 32 % детей. Процент белых детей, рожденных вне брака, вырос с 2,3 % в 1960 г. до 25,7 % в 1996 г. Аналогичный процент афроамериканских детей вырос с 21,6 до 70,4 % в 1994 г.²⁸ В 1998 г. более

половины всех американцев и 70 % американцев моложе 35 лет не считали рождение ребенка вне брака чем-то предосудительным²⁹.

Наибольшие трудности семей были связаны с факторами, которые вели к нестабильности ее экономического положения. К таковым относились рост числа одиноких родителей и неспособность содержать на должном уровне семью на одну заработную плату, увеличение расходов на содержание и учебу детей при сохранении прежнего уровня доходов, высокие цены на жилье и медицинское обслуживание, быстрое увеличение задолженностей по потребительскому кредиту и другие, уже рассмотренные нами факторы.

За 1980-е гг. число семей с одним родителем удвоилось³⁰. В 1992 г. 35 % детей жили не со своими биологическими отцами, что было в два раза больше, чем в 1970 г. Шансы белого ребенка, родившегося в 1992 г., дожить до 18 лет вместе со своим отцом были один к двум, у маленького афроамериканца – один к двенадцати³¹.

Если во время пика рождаемости на одну женщину приходилось 3,65 ребенка, то в 1975 г. – 1,75, что было ниже репродуктивного уровня (2,11). К началу 1990-х гг. показатель рождаемости возрос до 2. Но к 1998 г. процент домохозяйств, в которых не было детей до 18 лет, вырос с 45 до 62 %. В 1972 г. 56 % американцев считали идеальной семью с тремя и более детьми, в 1998 г. так думали 39 %. Доля тех, кто хотел иметь семью без детей или с одним ребенком, оставалась практически неизменной – 3–5 %, что лишний раз подчеркивало экономическую подоплеку нежелания иметь много детей³².

Статистика конца 1990-х гг. свидетельствовала, что дети из неполных семей в два раза чаще не заканчивали школу. Юноши из таких семей испытывали большие трудности при устройстве на работу, а девушки рожали детей вне брака в два раза чаще, чем их сверстницы из полных семей. Все эти отклонения в поведении молодых людей не могли быть объяснены исключительно плохим материальным положением. Министерство здравоохранения, исследовавшее в 1998 г. положение более чем 30 000 американских семей, пришло к выводу, что независимо от уровня дохода дети из неполных семей чаще других бросали школу или оказывались вовлеченными в преступную деятельность. Советник президента Б. Клинтона, профессор Мэрилендского университета В. Гэлстон отмечал, что для того, чтобы избежать бедности в США, нужно закончить школу, не иметь детей до вступления в брак, а возраст матери при рождении первого ребенка должен быть больше двадцати лет. Статистика показывала, что в 1997 г. лишь 8 % детей из семей, соответствовавших этим требованиям, были бедными, в то время как 79 % семей, имевших хотя бы один из указанных признаков, жили ниже уровня бедности³³. Можно согласиться с выводом американского социолога Джеймса Уилсона, сделанным в 1998 г., о том, что в основе многих кризисных явлений в обществе лежал кризис семьи. «В одном случае, – писал Уилсон, – ребенок растет в семье с двумя родителями, получает достойное образование, женится, устраивается на хорошую работу, покупает дом, защищенный от преступности высокими заборами и охраной. В другом случае ребенка растит незамужняя девушка, живущая в районе, где много сексуально активных мужчин, но мало добропорядочных отцов, где юноши вступают в преступные группировки, так как у них нет другого способа обеспечить личную безопасность или самоутвердиться в этой жизни. В первом случае молодые люди думают о будущем и уверены в нем, во втором – живут одним днем и полагаются на судьбу. Принадлежность к первой группе не гарантирует минимум неприятностей, но наркомания, организованная преступность, сексуальные преступления в отношении детей, неграмотность и экономические проблемы – это удел второй группы, их естественная среда обитания»³⁴.

Значимым для положения среднего класса изменением в структуре семьи стало сокращение доли женатых пар с детьми и одним работающим родителем с 56 % в 1950 г. до 24 % в 1998 г. и увеличение семей с детьми и двумя работающими родителями с 13 до 44 %. Одновременно доля семей с одиноким работающим родителем выросла с 8 до 28 %³⁵. С одной стороны, ранее доминировавший тип семьи с одним работником – мужчиной ушел в прошлое, с другой стороны, более четверти семей с детьми составляли одинокие женщины и мужчины. И то и другое свидетельствовало о растущих трудностях семей с детьми.

С 1950 по 1998 г. доля работающих женщин увеличилась с 33,9 до 69 %³⁶. Еще в 1976 г. полную занятость имели 4,9 млн замужних женщин, 10,9 млн женщин оставались дома. В 2000 г. работали 11 млн женщин, не работали 6,9 млн³⁷. В 1965 г. только 21 % женщин возвращались на работу через шесть месяцев после рождения ребенка. Через 30 лет таких женщин было более 70 %³⁸.

Количество отработанного времени женщинами из разных доходных групп, квинтилей, выросло с 30 до 50 %. Наибольший прирост отработанного времени приходился на женщин среднего класса. Так, женщины среднего, третьего, квинтиля работали в 2000 г. в среднем на 3 месяца или на 535 часов больше, чем в 1979 г.³⁹ 84 % работавших женщин делали это из финансовых соображений, 34 % предпочли бы частичную занятость, неполный рабочий день, 31 %, если бы позволили бы обстоятельства, не работали бы вообще⁴⁰.

Несмотря на растущую занятость женщин, решать стоявшие перед семьей задачи становилось все труднее. По данным Министерства сельского хозяйства, проводившего с 1960 г. регулярные исследования затрат семей на воспитание ребенка до 18 лет, к 2010 г. расходы средней американской парной семьи выросли на 22 % – с 185 856 до 226 920 долларов. В наибольшей степени возросли расходы на уход за детьми и их образование – с 2 до 17 % всех расходов и медицинское обслуживание – с 4 до 8 %⁴¹. То есть росли расходы, сокращать которые было нежелательно, сложно или невозможно. Важно отметить, что реальные затраты были выше, так как учитывались базовые расходы на школьное образование, питание, жилье, одежду, транспорт, услуги дошкольных учреждений.

Финансовая стабильность непосредственно зависела от наличия и количества детей в семье. Важной отличительной чертой терпевших финансовый крах американских семей стало наличие детей. В 2001 г. частота банкротств на 1000 семей составила 14,5 случаев для семей с детьми и 7,3 случая для бездетных семей⁴².

Сознательный выбор – отказаться от рождения детей или ограничиться одним ребенком – свидетельствовал не столько об эгоизме женщин или пары в целом, сколько об изменившихся жизненных приоритетах и трезвом учете реальностей. Желание женщин родить ребенка позже в угоду карьере приводит к медицинским сложностям. Рождению детей препятствовали внебрачные отношения. Содержание детей выливалось в значительные затраты, бюджет семьи не всегда позволял иметь более одного ребенка. Одинокие американцы или бездетные пары оказывались в более выгодном положении на рынке труда, имели больше возможностей для повышения своей квалификации, были более мобильны и востребованы работодателем. Они также имели возможность заниматься не детьми, а собой, что вполне соответствовало доминировавшим установкам на независимость, индивидуализм, потребление и самореализацию.

Таким образом, в США за последние 30 лет XX в. серьезно ослабла роль семьи в качестве центрального института, вокруг которого строилось домашнее хозяйство и где воспитывались дети. Американцы позже создавали семьи, чаще разводились и чаще жили вместе, не оформляя близкие от-

ношения. Происходило постоянное снижение рождаемости, при росте доли детей, рожденных вне брака. Принципиальные изменения происходили в положении женщин по мере того, как они в растущем количестве пополняли число постоянно работавших американцев, иным становилось распределение обязанностей между мужем и женой. Показательными в этом отношении были результаты социологического опроса 1997 г. – лишь 22 % американцев были согласны с тем, что работа мужа важнее работы жены, 91 % мужчин и 94 % женщин в 1998 г. были согласны с тезисом «Все заботы о детях должны делиться между родителями поровну»⁴³. Бóльшее участие в воспитании детей стали принимать мужчины. В соответствии с результатами социологического опроса, проведенного Си Би Эс, в 1997 г. заботы о детях делили поровну 31 % родителей в сравнении с 27 % в 1983 г.⁴⁴

Для конца 1990-х гг. было характерно появление женских организаций, делавших выбор, противоположный феминизму, – «Быть, прежде всего, матерями», «Женственность», «Родители за образование» (Mothers First, FEMALE, Parents and Community Education)⁴⁵. Однако это, на наш взгляд, не могло быть доминирующей тенденцией. Необходимые блага в виде образования детей, отдыха во время отпуска, покупки дома, дорогостоящих товаров длительного пользования были недостижимы без заработка женщин. К непредсказуемым последствиям для экономики страны привело бы изъятие из рабочей силы десятков миллионов женщин, чем дальше, тем больше деструктурировавших способность достигать вершин профессионального мастерства и выполнять самую разнообразную, общественно необходимую работу.

Решительного поворота по кардинальному изменению отношения мужчин к участию в воспитании детей и пересмотру роли государства и бизнеса в создании условий для семьи, состоявших из работавших мужа и жены, не произошло. Тем не менее в общественном сознании наметились изменения, которые ни при каких условиях не позволяли восторжествовать консервативным идеалам и вернуться к семье с одним работающим мужчиной и неработающей, погруженной в заботу о детях женщиной.

Одной из важнейших проблем американского общества стала проблема семьи. Изменения структуры семьи и ценностных ориентаций американцев имели взаимное влияние друг на друга. Структурные изменения приводили к пересмотру традиционных ценностей и утверждению других, более созвучных новым реалиям взглядов. Равно как и наоборот – изменение отношения к вопросам семьи вело к развитию новых социальных форм, в большей степени соответствовавших менявшимся умонастроениям. Структурные и ценностные подвижки усиливали друг друга и делали их необратимыми. Так, сокращение рождаемости и уменьшение размеров семьи шло параллельно с ослаблением желания американцев иметь много детей. Увеличению роли женщин в общественной и экономической жизни сопутствовал рост одобрения ее новой роли. Аналогичным было движение от вынужденного принятия как данности к одобрению положения, при котором работали оба родителя. Увеличение числа разводов происходило вместе с ростом их экономических предпосылок, либерализацией законодательства и утверждением мнения, что это является рациональным выходом для неудачных браков. Бóльшая терпимость в отношении добрачных связей сочеталась с практикой сожительства и ранним вступлением в половую жизнь. Эти тенденции не были исключительным, характерным только для США явлением. Однако в сочетании с другими факторами кризис традиционной семьи способствовал процессу эрозии среднего класса в том виде, как он существовал на протяжении первых 20–25 послевоенных лет. Трудности семей вели к нестабильности ее экономического положения. К таковым относились рост числа одиноких родителей и неспособность содержать на должном уровне семью на одну за-

работную плату, увеличение расходов на содержание и учебу детей при сохранении прежнего уровня доходов. Быстрый рост женской занятости означал использование ранее не задействованного ресурса, что несло с собой дополнительные, двойные риски для семейного бюджета. Но и работа двоих вместо одного, как прежде, родителей оказывалась недостаточной для решения традиционных задач покупки дома, оплаты образования, медицинского обслуживания, создания накоплений для безбедной старости.

Новая ситуация в семейных отношениях отрицательно сказалась на финансовом положении среднего класса. При прочих равных условиях материальное положение находившихся в браке американцев всегда было лучше и стабильнее. Взаимная материальная поддержка членов семьи была своеобразным страховым полисом, мощным фактором стабилизации материального положения каждого члена семьи. Рост числа разводов и уменьшение количества заключаемых браков ставили многих американцев в более сложное, чем прежде, положение. Бороться с ростом стоимости жизни, с болезнями, пытаться сохранить прежний образ жизни при уменьшении доходов, растить в таких условиях детей одному было несравнимо труднее. Атомизация семьи вела к росту бедности и неравенства.

¹ Yankelovich D. *New rules: searching for self-fulfillment in a world turned upside down*. New York, 1981. P. XX.

² Дилигенский Г. Г. Глобализация в человеческом измерении // *Мировая экономика и международные отношения*. 2002. № 7. С. 4–15.

³ См.: Chafe W. H. *The unfinished journey. America since World War II*. New York, 1999. P. 434.

⁴ Ibid. P. 437.

⁵ См.: *The emerging 21st century American family*. GSS Social Change Report № 42. Chicago, 1998. P. 7.

⁶ Ibid. P. 7–10.

⁷ См.: *Economic report of the President together with the annual report of the council of economic advisers*. Washington, 2000. P. 138–140.

⁸ См.: U.S. Bureau of the Census, *historical income tables-families, table f-19, «married couple families with wives' earnings greater than husbands' earnings» (selected years)* [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.census.gov/hhes/income/histinc/f19.html>. Date of access: 16.11.2012.

⁹ См.: Glenn N. *Quantitative research on marital quality in the 1980s: a critical review* // *Journal of Marriage and the Family*. 1990. № 52. P. 818–831; Glenn N. *The recent trend in marital success in the United States* // *Journal of Marriage and the Family*. 1991. № 52. P. 261–270; Steglin D. *Families of employed mothers in the United States* // *Families of employed mothers: an international perspective*. New York, 1997. P. 112–134.

¹⁰ См.: *Economic report of the President together with the annual report of the council of economic advisers*. Washington, 2000. P. 166.

¹¹ Ibid.

¹² См.: Karoly L., Burtless G. *Demographic change, rising earnings inequality, the distribution of personal well-being, 1959–1989* // *Demography*. 1995. № 32. P. 379–405.

¹³ См.: *American community survey reports. Martial events of Americans: 2009*. Washington, 2011. P. 13–14.

¹⁴ См.: Whitehead B. *The divorce culture*. New York, 1997. P. 44.

¹⁵ См.: Goldscheider F., Waite L. *New families, no families? The transformation of the American home*. Berkeley, 1991. P. 78, 115.

¹⁶ См.: *American sexual behavior: trends, socio-demographic differences and risk behavior*. GSS topical report. No. 25. Chicago, 1998. P. 48, 64.

¹⁷ См.: Weitzman L. *Divorce revolution: the unexpected social and economic consequences for women and children in America*. New York, 1985. P. 327.

¹⁸ См.: Peterson R. *A reevaluation of the economic consequences of divorce* // *American Sociological Review*. 1996. № 6. P. 522–530; Smock P. *The economic cost*

of martial disruption for young women over the past two decades // *Demography*. 1993. № 8. P. 350–376.

¹⁹ См.: Michel S. Children's interests / mother's rights: the shaping of America's child care policy. New Haven, 1999. P. 264.

²⁰ См.: U.S. Bureau of Census. 1997 annual report. Washington, 1997.

²¹ См.: Kornbluh K. The parent trap // *The Atlantic Monthly*. 2003. January/February. P. 22–35.

²² См.: Facts about child care in America // Children's Defence Fund. 1998. July 8 [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.childrensdefense.org>. Date of access: 21.05.2012.

²³ См.: Holloway L. For preschool, a wealth of benefits and a dearth of space // *New York Times*. 2000. September 5. P. B3.

²⁴ См.: Greenhouse St. Child care, the perk of tomorrow? // *New York Times*. 2001. May 13. P. D14.

²⁵ См.: Kornbluh K. Op. cit.

²⁶ См.: Lawlor J. For many blue-collar fathers, child care is shift work // *New York Times*. 1998. April 26. P. C11.

²⁷ См.: The emerging 21st century American family. GSS Social Change Report. № 42. Chicago, 1998. P. 16.

²⁸ См.: Coverdell P. Who's killing the middle class? // *USA Today*. 1996. Vol. 125. № 2616. P. 18–21; Loomis L., Landale N. Nonmarital cohabitation and childbearing among black and white American women // *Journal of Marriage and the Family*. 1994. № 56. P. 949–962.

²⁹ См.: Wilson Q. J. Human remedies for social disorders // *The Public Interest*. 1998. № 131. P. 25–32.

³⁰ См.: Bianchi S. America's children: mixed prospects. Washington, 1990. P. 9.

³¹ См.: Taylor P. Life without father; why more and more dads are drifting away leaving kids in poverty and violence // *Washington Post*. 1992. June 7. P. 3–4.

³² См.: Longworth R. C., Stein Sh. Middle-class muddle // *Indianapolis Star*. 1995. September 24. P. 1.

³³ См.: Wilson Q. J. Human remedies for social disorders // *The Public Interest*. 1998. № 131. P. 25–32.

³⁴ Ibid.

³⁵ См.: Economic report of the President together with the annual report of the council of economic advisers. Washington, 2000. P. 166.

³⁶ Ibid.

³⁷ См.: U.S. Census Bureau, historical income tables-families, table F-14: work experience of husband and wife-all married-couple families, by presence of children under 18 years old and median and mean income: 1976 to 2001 [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.census.gov/hhes/income/histinc/f14.html>. Date of access: 19.09.2012.

³⁸ См.: U.S. Census Bureau. Current population reports. Household economic studies. Maternity leave and employment patterns: 1961 to 1995. Table I: Women working at a job by monthly interval after first birth: 1961–65 to 1991–94. Washington, 2001. P. 4–5, 9.

³⁹ См.: Mishel L., Bernstein J., Allegretto S. The state of working America. 2006/2007. Ithaca; New York, 2006. P. 316–324.

⁴⁰ См.: Coverdell P. Who's killing the middle class? // *USA Today*. 1996. Vol. 125. № 2616. P. 18–21.

⁴¹ См.: Expenditures on children by families, 2010. Washington: U.S. Department of Agriculture, Center for Nutrition Policy and Promotion. Miscellaneous publication number 1528–2010, 2011. P. 23.

⁴² См.: Warren E. The growing threat to middle class families [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.pattonoffice.com/documents/MiddleClassThreat.pdf>. Date of access: 25.10.2012.

⁴³ Morin R., Rosenfeld M. With more equity, more sweat: poll shows sexes agree on pros and cons of new roles // *Washington Post*. 1998. March 22. P. A16.

⁴⁴ См.: Major changes in women's status over past 25 years // *CBS News Poll*. 1997. October 4. P. 2–4.

⁴⁵ См.: Lenhart J. Meeting other mothers // *Washington Post*. 1998. February 3. P. C1–C3.

Поступила в редакцию: 21.11.12.